

ТЕТРАДКА НА ПРУЖИНКЕ

Серия "Обрушенная жизнь", пятый дневник

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ольга ШОРИНА

Разноцветные тетрадки

Ольга Шорина

Тетрадка на пружинке

«Автор»

2020

Шорина О. Е.

Тетрадка на пружинке / О. Е. Шорина — «Автор»,
2020 — (Разноцветные тетрадки)

ISBN 978-5-532-96040-4

"Мне трудно поверить, но на несколько лет я превратилась в самого настоящего зомби! Но почему?! "Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!.."Пятая тетрадь Алины Подсолнуховой доставит вас на машине времени в Россию пост дефолтовую, где каждый жил по-разному.В книге используются фотоработы автора.Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96040-4

© Шорина О. Е., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Запись на обложке	6
1 сентября 1998, вторник	7
2 сентября 1998, среда	8
3 сентября 1998, четверг	9
4 сентября 1998, пятница	11
5 сентября 1998, суббота	13
6 сентября 1998, воскресенье	14
7 сентября 1998, понедельник	15
8 сентября 1998, вторник	16
9 сентября 1998, среда	17
10 сентября 1998, четверг	18
11 сентября 1998, пятница	19
12 сентября 1998, суббота	20
14 сентября 1998, понедельник	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Шорина

Тетрадка на пружинке

Антону Бутовцу.

Когда вместо ритма нервная дрожь...

Юрий Шевчук,

«Предчувствие гражданской войны».

Запись на обложке

Наступало утро. Я смотрела в наше угловое окно, как вдруг с тёмного предрассветного неба упал огромный «лайнер» с окошечками. Он буквально вонзился своим белым носом в землю, взорвался и стал гореть. Но наш дом от этого ничуть не пострадал.

...Я проснулась и задумалась: разве бывают самолёты-лайнеры, как чётко прозвучало в моём сне? Это же круизные теплоходы, «Титаник» какой-нибудь. Ах да, бывают. Авиалайнеры.¹

– Мне часто такие сны снятся, – с пониманием сказала тогда мама.

¹ Лайнер – пассажирское транспортное средство, участвующее в рейсах по заранее объявленному расписанию («стоит на линии»). Морской или океанский лайнер – это судно, совершающее регулярные рейсы, а также круизный лайнер, перевозящий туристов и участвующий в круизе. Авиалайнер – пассажирский самолёт, совершающий регулярные рейсы. Даже автобус дальнего следования иногда называют лайнером!

1 сентября 1998, вторник

Вечер, как всегда, выдался просто отвратительным! Родительская пьянка, скорби их прошлого. У меня уже столько времени ни одним потрясением слезы не вышибешь, а тут расплакалась на несколько часов.

Когда-то мне было всё равно,— осень ли, зима. Осень – хорошо, зима – хорошо. Но не сейчас!

В прошлый «День знаний» резко похолодало, но не было ни дождя, ни сырости, как сегодня.

Алиса и сегодня не появилась. Ушла, наверное, навсегда. Да и что ей, такой современной и упакованной, искать в нашей богадельне? (Это мама так свою работу называет).

Это просто здорово, что всё сложилось так, как мне хотелось. Переживаю только, что она своим друзьям-недоумкам станет плохо про наш ВООП говорить. Не важно, лишь бы только духу её не было!

Только куда груши пропали? Неужели Алкашка за ними из своей заброшенной деревни приехала? Ну, пусть не на автобусе... мальчики привезли... или папа... за грушами! Чтоб быдлу не достались! Так папа же по будням работает! Ну, может, отпросился ради груш... А, он же начальник! Главный инженер, а Михаил Викторович сказал, что это всего лишь третья должность на предприятии... не генеральный же.

Или Галина Георгиевна слопала? Она же у нас голодающее Поволжье!

А может, Алкашка успешно кастинг у Славы прошла и получила контракт, и ходит теперь по «языку» и собирает порт-фолио? Помню, как в школе я читала и перечитывала его интервью в «Здоровье» и «Работнице», – они почему-то материалы дублировали. «Школа Глоба», интервью с одними и теми же знаменитостями...

А я тогда внимала. Модельер вспоминал, что сыну подарили белые трусы (не спортивные, а бельевые), за что в детском саду его затравили, и он не стал их носить. Что в СССР «не воспринимается ничего красивое»... Да он же сына своего перед всей страной опозорил!

Я успела ввести Михаила Викторовича в курс, чтобы он не считал, что мы многое потеряли. Я молилась даже: «Господи, избавь нас от этой девки!» – что и случилось. Но так от этой дьяволицы на душе было тяжело, и казалось, конца этому не будет!

2 сентября 1998, среда

Появились, наконец-то, и первые вести по нашему протоколу по больнице (два месяца спустя).

– Антонина Семёновна как раз вышла из отпуска, – сообщил Михаил Викторович. – Представляешь, Аль, она этого главврача к себе вызвала, а он не пришёл!

Он каждый день звонит самым разным чиновникам, а они всегда то в отпуске, то на больничном.

Заметки на полях 20 лет спустя

Стать чиновником можно только через жёсткую медицинскую комиссию. Как же их на работу-то берут, если они всё время болеют?! Раз больные – пусть получают инвалидность и сидят дома!

Сегодня как раз должна завершиться операция «Чистая земля». В тот самый день, когда Михаил Викторович собирался в ней участвовать, мы пошли с ним в рейд. Оказывается, Управление экологии в самый последний момент отказалось от наших услуг. Галина Георгиевна от огорчения чуть не плакала!

– А наш ВООП не задействован!

Вчера приходила её подруга Ира из ВООПИиК. Она впервые в жизни удостоила меня словом! Принесла туго набитый бумажный пакет и пачку коричневых брошюр от Общества книголюбов «Чудо голодания» Поля Брэга.

– Можно пока у вас оставить? – весьма вежливо осведомилась она.

Из-за этой Сороки я даже ругалась с Галиной Георгиевной! Я всё никак не могу поверить, что ей ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ лет!!!

– Да какая «девочка»?!! – гневно вскричала наша председательница. – Ирка красится, потому что она – вся седая!!!

И тут же, остыв:

– А действительно... Мы, когда ходили с ней в Комитет по землеустройству, мне сказали потом: «А эта девочка, что с вами приходила, она дочка ваша?»

Но сегодня я разглядела, что у этой Сороки и вправду старая толстая кожа, оплывшее лицо.

Я всегда считала крайне неудобным молчать. Поэтому затрещала про свою работу в школьной библиотеке, «офицерскую жену», во имя которой, по мнению Евгения Хлопунова, и лишилась своего места.

– Это очень хорошо, – туманно и безо всяких эмоций отозвалась эта Ира. – Офицерская жена, она хоть что-то там зарабатывает...

Но это уже не бестактно, а неприлично даже! А как же я?! Да ... мне на всех офицерских жён, вместе взятых! Самые обездоленные, что ли?

3 сентября 1998, четверг

Скоро и мы переезжаем.

– Мебель таскать я брата двоюродного позову, – пообещал Михаил Викторович. – Он такой же здоровый, как и я.

Сегодня в холле был скандал. Прибежал Плавунцов, председатель Совета ветеранов, 1924 года рождения (а тот, пузатый, его заместитель – Юрий Константинович), и стал орать на Сыроежкина, коменданта нашего «общежития»:

– Вы загнали меня в подполье!!! Это издевательство над пожилыми людьми!

– Да я и сам пожилой, мне шестьдесят лет уже! – с издёвкой ответил Сыроежкин.

– Леонид Николаевич, – заголосила Эвелина своим ненатуральным голосом, – Леонид Николаевич, а сколько я у вас на кассе взаимопомощи работала!..

Дед убежал ни с чем.

Только что выехали ВООПИиК и Общество книголюбов.

– Бабы, а в такой грязи жили! – презрительно сказала Костова своим фальшивым голосом.

Так они же тонких материй, а не грубых хозяйственных! Я представила Эвелину в её дорогом, чёрном и длинном платье с венчиком в руках на фоне её огромной, как танк, иномарки, и чуть не расхохоталась.

– Ничего, Алла Борисовна придёт и вымоет, – пообещал какой-то мужик.

– А кто это такая?

Ну, будто Эвелину сия персона и впрямь интересуется!

– Уборщица.

Комната же отходила «Гекле». На грибках висели предложения от этой фирмы «экологического туризма» для подростков «поехать за границу без родителей». Янка бы обрадовалась.

– Вы слышали, господин Любимов, – как этот ветеран кричал: «Вы – бандиты!»? Я посидела с этими ветеранами, и была на одном их собрании. Тоже мне, людишки не от мира сего! Главное, все этому деду кругом должны! Он собирался брать какой-то вьетнамский ширпотреб, чтобы его перешивали его старые слепые ветеранки! Это мы, в нашем бизнесе, где бьёмся за каждую копейку!

И на меня снова серой из преисподней дохнуло, как от Алкашки.

– Сыроежкин всех выгнал! – прокомментировала Галина Георгиевна. – Он собирается здесь второй этаж надстраивать. Потолки-то тут высокие!

Я подняла глаза, и меня хватил за горло приступ клаустрофобии.

Галина Георгиевна сегодня опомнилась:

– А Алиска куда-то делась!

– Вот и хорошо, – мрачно сказала я. – Исчезла зараза эта!

– Да что ты такое говоришь?! Вы что, поссорились что ли?!

– Нет. Просто, чтобы судить о человеке, нужно с ним пообщаться.

– Ну это да... А как у тебя дела дома?

– Насчёт чего?

– Насчёт всего.

Сегодня мне что-то так захотелось грибов! Я и ела их единственный раз в жизни, у Риммы. У нашего деда должны быть грибы. Спросила у мамы про суп из опят:

– Он пустой будет.

– Ты же говоришь, что в грибах калорий больше, чем в мясе.

– Это в белых.

Рассказала ей и про скандал в коридоре.

– Исполком для этого деда – «подполье»?!! Красиво жить не запретишь! Вот мы – в подполье!

Мама работает в сараюшке без удобств за санэпидемстанцией.

А Лепёхина всё недовольна Фридман, рисует её в самом чёрном свете.

– Она всё жалуется, что ей очень трудно сюда ездить. Сама она в возрасте уже преклонном, и ей, конечно, интересно со сверстниками...

И я удивляюсь, неужели ей, еврейке, интересно с русскими? Как Фридман выглядит, и как ветераны!

Один из августовских дней запомнился мне ночью из-за дождливой погоды и тёмного облачного неба. Совет ветеранов провёл тогда шумное собрание, на которое приезжала и Фридман, как всегда элегантная, словно английская леди.

4 сентября 1998, пятница

Утром встала с постели с таким трудом! Вот уж это наступление осени! На работе засыпала, мёрзла, хотелось прилечь. Пришла домой, налила чаю из старого китайского термоса, – невкусного, затхлого, – и недомогание как рукой сняло!

От торгашей, как всегда, покоя нет:

– Девушка, есть очень дешёвые журналы: «Вязание» – пять рублей, «Кулинария» – семь рублей.

Не вяжу и не готовлю.

– Барышня!

Начальница вечером забежала:

– Запомни: мы не переезжаем! А если переедем, то только в сыроежкинскую комнату. Телефоном у него там попользуемся... Если придёт Плющенко за мебелью, – вон вешалка его, пусть берёт. Но столы, стулья – только с моего разрешения!

...высочайшего благословения.

Оказывается, всё не наше! Столы – от Турбюро, шкафы – Экологического фонда, даже вешалка – Клуба городов-побраимов. А у нас это – Хемер, Бровары и Талси.

Плющенко Дмитрий Иванович – это председатель Клуба городов-побратимов, военно-служащий, крайне болтливый дедок-холерик. Как начнёт про свою армию, – и не остановишь! Как-то он развлекал нас своими рассказами целый день (ну ладно, только после обеда!).

– Нет, надо говорить «бордель»! Вот у нас был..., – и он огласил звание и должность. – Если он хоть где какую ржавчинку на ноже найдёт! И как-то раз стала наша часть готовиться к его приезду. Ой, что тут началось! Свиной моют, и тут же этих свиной и режут! А тут побыстрее

кто-то капусту протухшую из бочки в яму свалил! А этот самый начальник всё это и увидел.
«Нет, – говорит, – у вас не бардак! Я был в бардаке на Кубе, там всё красиво, там – женщины...
А здесь у вас – бордель!»

Любимое слово Ремарка.

– Ха-ха!

Вечером мама рассказала, будто бы их генеральный директор вышла поутру из своего коттеджа в Медвежьих Озёрах и увидела поле, полное бронетехники!

– Танки выкатили... боятся бунта!

Нет, у нас бунтовать никто в жизнь не станет, всё стерпят, как «истинные христиане»!

5 сентября 1998, суббота

Эвелине я почему-то нравлюсь. Со мною наша новая русская очень любезна.

И Михаил Викторович ей тоже нравится, всё глазки ему строит. Он этим пользуется, и звонить теперь ходит только от неё.

Заигрывает она и с другим типом, я его так и не видела, или просто не знаю:

– Ах, господин Любимов, я всегда была верна своему мужу! А моя подруга изменяла супругу направо и налево! А вот моя дочь Таня...

Как будто изменять можно «направо»! С нужными людьми если только...

В 1992 году Первый канал ЦТ показал сериал «Возвращение в Эдем», в 1993 вышла книга, но только не «кинороман», как «Богатые тоже плачут» или «Никто, кроме тебя», а литературный первоисточник. Господи, какая же там мерзость и цинизм, особенно во второй части!

Так вот, Джилли Стюарт, единственная подруга Стефани Харпер, нимфоманка. Изменять с людьми их круга – это «направо», а с горнорабочим из компании ненавистной «подруги» – это, как я понимаю, «налево»... (Джилли напоминает мне мать Янки, а актриса Пета Топано чем-то на неё похожа).

В «Гекле» теперь чуть ли не школа моделей. Какие-то тёлки с бесцветными лицами, все как одни в чёрных балетных костюмах (в которых занимаются «у станка»).

Эвелина же не может с ними справиться.

– Девочки... – беспомощно говорит она, когда подопечные чёрной стайкой упархивают в коридор.

Как-то ещё в июле, когда у нас было производственное совещание, к нам заглянула женщина с очках-«хамелеон» и пригласила послушать лекцию о тибетской медицине. И все, как один, «корпоративно» отказались. Эвелину я и не узнала...

– Она теперь богатая будет! – гоготнул Михаил Викторович.

– Она и так богатая... – змеёю зашипела председатель.

– Да, Галина Георгиевна: как этот Любимов на вас кричал, а перед нею – стелился!

Так Лепёхина и Костова, наверное, одного возраста, – последняя, пожалуй, даже старше. Только председатель ВООП – *тётенька* в самодельном платье, с не прочёсанным пучком волос, а Эвелина – *дама* в чёрном платье и с белыми распущенными волосами.

Пергидролевыми.

6 сентября 1998, воскресенье

Ходила в такой холод в кофточке, вот и простудилась. Горло болит. А ночью, когда я читала Библию, перед глазами вдруг поплыли фиолетовые пятна, – как солнцезащитные очки Эвелины. И, когда температура разгорелась, голова стала свинцовой, и так в ней закололо и заболело, что я старалась ею не двигать.

...Я проснулась ранним утром, когда уже рассвело. Температуры как не бывало. Может, всё это мне во сне приснилось? И стало мне так страшно, так жутко. Я подумала: а вдруг я уже умерла?!

7 сентября 1998, понедельник

Прояснилось с порошком.

Рассказываю Галине Георгиевне о своём непонятном воскресном заболевании.

– А я тебе не рассказывала, что Оксанка моя заболела?! Надышалась газами в автобусе, а потом её весь день рвало всю.

Нежные мы какие!

Я, за неимением круга общения, всегда делюсь с Лепёхиной своими впечатлениями. Вот и рассказываю ей про «порошок». Да как могли, как посмели предложить такое...

– Порошок от тараканов?!

– Нет, стиральный.

– Это ты просто подумала, что стиральный, а на самом деле – порошок от тараканов. Оксанка моя там работает. Возят их на автобусе, от вашего от «Рассвета». Сначала до Щёлковской, а потом в какой-то район, где они ходят по квартирам, предлагают жителям порошок. Собираются в четыре вечера, а в девять они встречаются в условленном месте, а если не придёт кто, то там и останется. Они однажды искали кого-то, да только зря время потеряли...

Если бы её доту по спальным районам искать не стали, всем этим Зябликовым, Зюзиным, Бирюлёвым, Жулебиным – то ... бы было! Мою доту бросили! Какие жестокие люди!

И я вспомнила, что их видела. Единственный многоэтажный дом на нашей улице, башня, жёлтый «ЛиАЗ» из детства с открытой крышкой, и стрёмные, забитые жизнью тётки в косынках на крашенных взбитых волосах...

– А зачем ехать туда, куда Макар телят не гонял? – удивилась я.

– Ну, знаешь, есть начальник, организатор. Он отвечает за торговлю, за автобус... – занудила Лепёхина.

А ещё я вспомнила, как Римма, когда я была у неё весной, сказала: «Открываю – стоят в белых халатах: «Весь дом морит тараканов!» Двадцать рублей! Но хорошая штука!

И к нам приходили, – только днём. Двое наглых. Но мы пруссаков не держим, и отчим еле их выгнал.

Вечером кузнечик прискакал, – Георгий Михайлович Сыроежкин.

– Добрый день, – ласково поздоровался он. – Завтра вы на время переберётесь в мою комнату. Шкаф завтра ваш туда перенесут. А замок у вас всё не работает? А, вы новый поставили!

Вот тварь!

Познакомилась я, наконец-то, и с «господином Любимовым», как зовёт его Эвелина. Лицо у него жирное, словно накаченная насосом резиновая пляжная игрушка, а глаза закрывают маленькие очочки с тёмными стёклами.

– Девочка, – прогудел он, – девочка, не приносите больше кошке эту рыбу! Она воняет, а к нам люди ходят. Вы поняли, девочка?

8 сентября 1998, вторник

Сколько несчастий! Работа-зарплата, одиночество. Все эти беды и бедствия при сильном желании можно было бы залечить. Все, кроме одной, а теперь уже и двух.

9 сентября 1998, среда

Вчера у нас случилось очень большое несчастье: убежал наш кот Маркиз. Я не смогла его поймать. Теперь я очень сильно за него переживаю, вдруг он попадёт к живодёрам вроде Алкашки и её друзей?

Вчера мама с отчимом ходили искать его в подвале, но не нашли.

А то пошла я сегодня на сторону Солнечного микрорайона (Солнечный город, как в «Незнайке», понимаешь!), – и вижу, как на ступеньке пластикового магазинчика стоит баба, потерявшая женский облик, – в штанах, жирная, рожа мерзкая. (На Римму похожа). Две большие сумки, а рядом чёрный котик-подросток, голодный, лезет в пакет, а она отталкивает его ногой в бежевой кроссовке.

Я тогда подошла и хорошенько её обматерила:

– Сейчас как ... тебе по роже, ... вонючая!

Она возразила кротко и удивлённо:

– А чего он лезет?

И тогда я сказала:

– ... тебя, видимо, некому, вот и злишься.

Взяла его на руки и унесла в Заречный. На дороге он испугался и стал вырываться, я еле его удержала.

Заметки на полях 20 лет спустя:

Ей было, наверное, как и Римме, года пятьдесят два. Сейчас тётки и в семьдесят есть ещё ого-го какие. Лицо такое же расплывшееся, – испитое.

И с чего я взяла, что Римма вела трезвый образ жизни? Пьяной я её, правда, не видела.

А все эти маты, которых я тогда не понимала, это я от родителей нахваталась.

Встретила сегодня бабушку у торца дома, где живёт Янка. А напротив – деревяшки. Бабушка говорит:

– Нового заведёте. Только кошку не надо, – орать будет. Подумаешь, кот! Люди погибают, – осталась вон девочка сиротой!

У деревянного дома сидел чёрный кот с красивым белым воротничком.

– Мне вот этот нравится, – сказала я.

– Да, хороший котик, – согласилась бабушка.

10 сентября 1998, четверг

Мама уходит на работу к девяти, а я – на час позже. И вдруг кто-то ну просто радостно загрезвонил в дверь. И я сразу поняла, что кот нашёлся!

Смотрю в глазок, – действительно, стоит счастливая мама и держит Маркиза на руках.

– Я выхожу, а он сидит у подвала!

Она имеет в виду дом напротив, перпендикулярный. С его торца – вход в подвал. Помню, как в детстве, когда я видела ещё очень хорошо, чётко, панорамно, туда лазили слесаря в спецовках, открывали горячую воду, – шёл пар.

И я на радостях на работу не пошла, а поехала в Пушкино. Просто прогуляться. Прошла там по Московскому проспекту, там все чем-то торгуют. Очень понравилась большая, ажурная, как паутина, связанная крючком жёлтая салфетка.

На работу я явилась после обеда. У Галины Георгиевны был посетитель, Валентин Иванович Бабочкин, геолог.

И я вспомнила: он же приходил к нам в школу на урок экономической географии.

Валентин Иванович рассказывал страшные вещи. Как фетровая фабрика, что у Старого моста, всю дорогу сливала в Клязьму краску. А Лепёхина повторила эпопею со Скуратовой, как они с ней лазили под этим самым мостом.

И Валентин Иванович вступил в ВООП, ура!

11 сентября 1998, пятница

Я теперь в рабочее время часто гуляю по городу. А что мне ещё делать?

Очень я люблю объявления читать на голубых грибах. Они на разноцветных фирменных бланках, с инвентаризационными номерами, сроком вывешивания. А это было нестандартное, большое:

«Методическая² церковь. Наши богослужения проходят каждое воскресенье, в 11.00. Музыкальные занятия с детьми (грамота, фортепиано). Мы готовы ответить на ваше письмо.

При церкви работает духовная семинария. Студенты набираются в течение всего учебного года. Выплачивается стипендия.

Двери нашей церкви открыты для всех!»

Стоп! СТИПЕНДИЯ!!! ДЕНЬГИ!!!

Я просто как тот придурок, Майкл Маккензи из сериала «Винновость», который всю первую серию орал: «Я получил стипендию!!!». В Кэндаллском университете. Есть такой? Дело было в Калифорнии.

Ме-то-дис-ты. Я о них читала в английской классике. Я не так уж много читала: «Джейн Эйр», «Городок», «Приключения маленького оборвыша». Теккерей не осилила, Диккенса тоже. А ещё Льюис Кэрролл, «Питер Пэн», «Хоббит». И где-то мелькала эта религия – методисты. «Чёрный, как грач, методистский проповедник». Мама мне ещё объяснила, что в Англии – две конфессии: англикане и методисты.

То есть, методисты – не секта, а просто религия. Только что они к нам лезут? Ну, сейчас всё к нашему берегу.

А правда, может, поучиться у них? Стипендия же! Можно будет выдать за свою зарплату.

² Алина путает, правильно – методистская церковь.

12 сентября 1998, суббота

Вчера у нас в пять вечера выдалось очень интересное мероприятие – собрание по озеленению. Присутствовали Смешков, Михаил Викторович, Галина Георгиевна, Евгений Хлопунов, и ещё Людмила Ивановна Якубова – председатель КСУ «Центральный», – громадная, полкомнаты заняла. На затылке – неопрятный пучок из седой пеньковой верёвки.

А ещё приходил Игорь Сергеевич Гусихин из ТОО «Икебана». Михаил Викторович вечно бегал к нему в организацию по каким-то вопросам, и не мог вспомнить фамилию. «Ой, ну эта лошадиная фамилия!»

Точнее, с птичьего двора.

У Гусихина – пухленькие, белые отекающие ручки, которыми он сжимает точно такой же чёрный органайзер, как у нашего Михаила Викторовича. И вдруг Гусихин что-то пискнул: да он гомосексуалист никак?! У нас в провинции! Мы же не Москва, вся дрянь – там!

Собрание открыл Смешков:

– Уважаемые товарищи!

Речь шла об озеленении Солнечного микрорайона, где жила Лепёхина, этих каменных джунглей, выдаче саженцев.

Ещё в июле, пока я собиралась на работу, по радио «Говорит Москва» шла экологическая передача. Как-то выступила ландшафтный дизайнер, она говорила, что Москву озеленять бесполезно, деревья всё равно погибнут, поэтому надо применять «контейнерное озеленение», – такие деревья можно убирать в холодное время.

Ближе к завершению бабка с верёвочным пучком разоралась на Михаила Викторовича:

– А вот этот товарищ, между прочим, тоже нуждается в озеленении!

– Нет, вы только посмотрите на неё! – заявил зампреда, когда она ушла. – Дайте мне то, дайте мне это, а сама работать не хочет!

А вечером читала статью в «Завтра» «Семья в блокаде» Александра Синцова. Про Северодвинск, – никогда раньше не слышала о таком городе. Как там картошку спасают: выкопали бункер, а сверху приварили люк от атомной подводной лодки. «Теперь туда никакому ворю не добраться, – только взрывать». Но у нас таких проблем нет, а картошку я не люблю.

И тоже про озеленение, редкие лиственницы, выживающие в городах, но большинство саженцев погибло.

Статья написана в форме телефонного разговора корреспондента с другом. Хорошо же они, видно, там у себя получают, если могут позволить себе так много болтать, вспоминать юность, «девок в котельной».

14 сентября 1998, понедельник

Стало очень тепло и солнечно. Бабье лето.

Михаил Викторович занят сегодня на основной работе. Обычно такие дни я стараюсь провести подальше от города, потому что если его нет, то ничего путного не предвидится.

Но с утра что-то мне мешало. Как во сне. Собираешься куда-то, собираешься, да так никуда и не уходишь: то что-то на пол упадёт и куда-то закатится, да так и время проходит. И просыпаешься.

Я, конечно же, хотела провести Римму, но в какой-то момент поняла, что в Правду уже не успею. И тогда я решила поехать на остановку «Улица Полевая» и найти там, – наверняка местный Дом культуры, где эти самые методисты. Узнать, что там с обучением и стипендией.

В 11.00 я ждала у «Рассвета» шестой автобус, но приехала зелёная маршрутка. Мне такая карета не по карману. На Полевую можно уехать и на первом автобусе, но он шёл с моста ровно через час, который я решила переждать на работе. Там меня и ждал сюрприз: Алкашка! Покорненько и смиренненько так ожидала, ключик-то возмущённый Михаил Викторович давно забрал! «Пропала, а где её искать, – данных на неё у нас нет!» А кто же тебе мешал их взять?

– Аль, привет! – радостно поздоровалась Алкашка. – У меня на той неделе занятия были, вот я и не работала!

Надо же, оправдывается!

– А до этого я болела, ой, как же я болела, мне каждый день «скорую» вызывали! Ведь такая сырость стояла, ужас!

Как же ты дальше жить собираешься, принцесса?

– А уж этот кризис, кризис! – продолжала трещать Алкашка. – Мы четыре миллиона за курс заплатили, но нам сказали, чтобы мы не расслаблялись. Но совершенно не подорожали спиртные напитки! Зато колбаса – да.

– Варёная? – спросила я, чтобы поддержать нашу великосветскую беседу.

– Мы такую не покупаем, – презрительно отвечала Алкашка. – Аль, я сегодня пораньше уеду, у Таньки Костроминой – день рождения. Смотри, какой я ей подарок сегодня купила!

И показала уродского зелёного крокодила с выпученными ультрамариновыми глазами. Гуманоид! Чернобыльский мутант!

– Мама сказала: «Страх-то какой, зачем ты его купила?!» – а мне нравится. На Ники моего похож...

– Ой, ну наконец-то, а то мы вас давно заждались!

Лепёхина от радости встречи с родной душой чуть ли не бьёт над головой в ладоши и не прыгает на одной ножке. Уж говорила бы, сука, за себя!

Алиса тоже показала ей крокодила.

Я вышла передохнуть в коридор.

– С сегодняшнего дня по 28-е – бабье лето, – громко Людмила Николаевна в своём «казначействе».

– Ну как твоя учёба?! – с придыханием воскликнула Лепёхина.

– У нас мальчики такие хорошие! Рядом со мною сидел мальчик из Пушкино, и у него такие глазки, между прочим, голубенькие! Аль, а тебе какие мальчики нравятся, чёрненькие или беленькие?

Я на всякий случай сказала, что блондины.

– Ой, а мне раньше тоже! А сейчас – тёмненькие, смугленькие! И чтоб накаченные! А то всем почему-то нравятся хлюпики какие-то...

– А моя Оксанка жалуется, что у них в пединституте совсем мальчиков нет... Аль, а тебе сколько лет?

– Восемнадцать.

– А тебе, Алис?

– Тоже.

– Всего-то?! А моей Оксанке в декабре будет двадцать два. У неё был мальчик, Слава, но я сильно ревновала, как это, дочь всегда была со мной, а тут какой-то парень... Вот они и расстались. И теперь моя Оксанка каждое воскресенье ходит в Троицкий собор вместе с Димкой, – она считает, что это Бог захотел, чтобы они расстались. Говорят, что первая любовь, она – раннее, что ли? Мне тоже казалось, что я больше никого не смогу полюбить. Я и сама вышла в первый раз замуж за первого встречного, не помню уже, почему. Наверное, он ухаживал за мной слишком назойливо, а мне уже двадцать четыре года было, и на горизонте – никого. А через год он мне что-то не так сказал, и я подхватила маленькую дочку на руки и убежала от него... И теперь Оксанка меня обвиняет, что я оставила её без отца...

– Любви не существует, – глубокомысленно изрекла Алкашка, подперев ладошкой подбородочек, – хотя лично мне очень бы хотелось, чтобы она существовала.

– Почему, Алис?!!

– Ведь девушки выходят замуж только из-за денег! Хотя лично я не смогла бы выйти замуж по расчёту...

А я всё нервно рассыпала по столу свои монетки, на которые так и не уехала в семинарию...

– Аля, а ну-ка убери свои копейки! – презрительно прикрикнула Лепёхина.

– А ещё мне нравится, когда мальчик одет стильно, – всё никак не могла успокоиться Алкашка. – А то почему-то считается, что мальчик должен ходить рваным и грязным! Мне тоже мои мальчики говорят: «Алис, ты что, юбок вообще не носишь? Девушкам же ноги нужно открывать!» А я просто одеваюсь стильно!

И тут вошёл Сыроежкин:

– Добрый день, – обманчиво ласково сказал он, – сейчас вы ненадолго переберётесь в мою комнату. Шкаф ваш туда перенесут. А замок у вас всё не работает? А, вы новый поставили!

Вот гнида!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.